

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

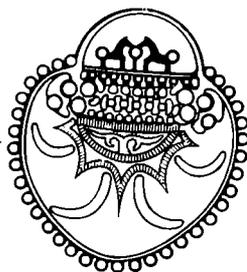
3

1970

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

*Журнал основан в 1957 году
Выходит четыре раза в год*

№ 3

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский (главный редактор),
О. Н. Бадер, С. Н. Бибиков, В. Д. Блаватский, М. К. Каргер,
Е. И. Крупнов, В. М. Массон, Р. М. Мунчаев, Б. Б. Пиотровский,
С. А. Плетнева, Б. А. Рыбаков, А. П. Смирнов (зам. главного редактора)

Ответственный секретарь *И. С. Каменецкий*

Адрес редакции:
Москва, Ж-127, ул. Осипенко, д. 52

Е. А. ШМИДТ

ОБ ЭТНИЧЕСКОМ СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ ГНЕЗДОВА

Вопрос об этническом составе населения Гнездова конца IX—X вв. рассматривался до сего времени только под углом зрения славяно-варяжских взаимоотношений. Причем одни исследователи считали Гнездово варяжской колонией¹, а другие видели здесь смешанное норманно-славянское поселение². После раскопок, проведенных в Гнездове Ф. М. Кусцинским, В. И. Сизовым, С. И. Сергеевым и др., А. А. Спицын, являвшийся сторонником норманнской теории, высказал мнение, что в культуре Гнездова норманны сыграли ведущую роль³.

На основе этих же материалов Д. А. Авдусин пришел к выводу, что в Гнездове абсолютно доминируют курганы славянские⁴. После новых раскопок в Гнездове он уточнил соотношение славянских и норманнских погребений, заявив, что из 800 раскопанных курганов «менее двадцати, т. е. 2,5%, содержат погребения скандинавов»; проведя затем сравнение с данными ярославских дружинных курганов, Д. А. Авдусин делает общий вывод, что материалы из Гнездовских курганов «отнюдь не подтверждают мнения о скандинавских колониях на Руси»⁵.

Видимо, все эти вопросы нельзя считать окончательно решенными, и, скорее всего, они не будут решены до тех пор, пока не удастся произвести полную публикацию всего гнездовского комплекса и пока ученые не выработают общепринятых твердых критериев определения этнической принадлежности погребенных по курганному инвентарю. Поэтому вопрос о славяно-варяжских взаимоотношениях в данной статье специально разбираться не будет. Автор считает, что основную массу гнездовского населения составляли славяне, но одновременно в Гнездове в какой-то отрезок времени находились и норманны, оказавшие некоторое влияние на культуру Гнездова (в археологическом понятии). Однако это влияние нет никаких оснований считать сколько-нибудь глубоким и значительным, так как в последующий период, начиная с XI в., каких-либо заметных скандинавских элементов в местных курганах не встречается.

В Гнездове добыт обширный археологический материал, значительно отличающийся от других памятников IX—XI вв. сельского населения Смоленского Поднепровья. Уже в первой сводной публикации гнездов-

¹ А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. ИАФ, 15, СПб., 1905, стр. 7; Б. А. Рыбаков. Обзор общих явлений русской истории IX — середины XIII века. ВИ, 1962, 4, стр. 37.

² А. Н. Ляуданский. Археологические доследы ў вадазборах рр. Сажа, Дняпра і Касплі ў Смаленскай губерні. Працы, II, Менск, 1930, стр. 238 (карта).

³ А. А. Спицын. Ук. соч., стр. 7.

⁴ Д. А. Авдусин. Варяжский вопрос по археологическим данным. КСИИМК АН СССР, XXX, 1949, стр. 11, 12; его же. Отчет о раскопках гнездовских курганов. Материалы по изучению Смоленской области. 2, Смоленск, 1957, стр. 183.

Автор благодарит Д. А. Авдусина за помощь в работе и доброжелательное отношение к опубликованию данной статьи по гнездовской тематике.

⁵ Д. А. Авдусин. Археология СССР. М., 1967, стр. 239.

ского материала обращалось внимание на наличие большого количества весьма эффектных изделий, видимо, не местного происхождения⁶. По некоторым особенностям орнаментации одни вещи считались скандинавскими, другие — восточными. Они-то и привлекали основное внимание всех исследователей, анализировавших материалы Гнездова. Поэтому наиболее изученными оказались погребения с богатыми комплексами вещей. Погребения рядовые, с бедным инвентарем такому детальному анализу не подвергались, а разного рода незначительные отклонения в их погребальной обрядности, видимо, вообще не учитывались. Этому в какой-то степени способствовало и представление о том, что славянское население Гнездова состояло только из кривичей, т. е. из какой-то части чисто славянского союза родственных племен. В их среде никаких процессов этногенеза не происходило, и, следовательно, они как единое целое противостояли скандинавам.

В настоящей статье поставлен вопрос об этническом составе населения Гнездова на основе некоторых отклонений в погребальном обряде и особенностей сопровождающего инвентаря.

Такая попытка в последнее время предпринималась, хотя при этом ставились более узкие цели. В. В. Седов, изучая следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах древней Руси, обратился к материалу Гнездова. Им был проанализирован погребальный обряд, и в частности ориентировка умерших на погребальном костре. Во всех случаях, когда это удавалось установить, ориентировка оказалась западной. Это позволило В. В. Седову высказать мнение, что в курганах с трупосожжением из Гнездова погребения были совершены по общеславянской погребальной обрядности⁷.

Уже В. И. Сизов, рассматривая обряд погребения в Гнездове, заметил большие отличия между отдельными курганами. Он писал: «Вообще, указанные нами различия в обрядах погребения мы ставим в зависимость не только от времени, которое во всяком могильнике иногда может выразиться в постепенном изменении погребальных обрядов, но еще в большую зависимость от состава самого населения этой местности, который мог сложиться из многих пришлых элементов»⁸. В. И. Сизов не детализирует своего тезиса о пришлых элементах, но, судя по отдельным его замечаниям, здесь, кроме прилива или новой колонизации, имеются в виду и местные элементы погребальных обычаев и культуры, восходящие к периоду переселения народов, т. е. ведущие свое начало из более ранних курганов: длинных, удлинённых и круглых, раскопанных им в различных местах Смоленской губернии⁹. К сожалению, материалы из курганов других мест Смоленщины так и не были обработаны и опубликованы В. И. Сизовым¹⁰.

Погребальный обряд, характерный для основной массы гнездовских курганов, был уточнен и в деталях описан Д. А. Авдусиным¹¹. В самых общих чертах он дает следующую картину: «Для сооружения погребального костра выбиралось ровное место. Обычно же в Гнездове костер сооружался непосредственно на уровне окружающей земли. После сооружения костра на него клали покойника, иногда в лодке. Вместе с умершим,

⁶ В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. 1, МАР, 28, СПб., 1902, стр. 117, 125.

⁷ В. В. Седов. Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах древней Руси. СА, 1961, 2, стр. 105, примеч. 13.

⁸ В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии, стр. 34.

⁹ Там же, стр. 21, 28, 53, 57.

¹⁰ Вещевые комплексы из погребений, раскопанных В. И. Сизовым в разных местах Смоленской губернии, частью разрозненные и беспаспортные, хранятся в Государственном историческом музее в Москве; дневники, полевые чертежи и другая документация сохранились не полностью.

¹¹ Д. А. Авдусин. Отчет о раскопках гнездовских курганов в 1949 году. Материалы по изучению Смоленской области, I, 1952, стр. 314—317.

одетым в лучшие одежды, клали все наиболее дорогие для него вещи и все, что, по мнению его современников, могло ему пригодиться в загробном мире: оружие, украшения, утварь, пищу. Если покойный был знатен и богат, — убивали его любимую рабыню и клали ее труп на костер рядом с трупом господина. После этого часто убивали различных животных — коня, быка, барана, собаку, петуха. После того, как костер прогорал, кости сожженного человека обычно собирали в глиняный горшок и ставили в центре кострища, а затем к горшку сгребали остатки костра. Затем над остатками сожжения насыпали курган, причем землю для насыпи брали тут же, около остатков костра, так что вокруг кургана образовывались канавки-ровики, которые можно наблюдать и сейчас»¹².

Можно полагать, что все основные черты этого погребального обряда в большей или меньшей степени были присущи славянскому населению еще до сооружения курганов в Гнездове, т. е. до конца IX в. Но это вовсе не означает, что погребальный обряд начиная с конца IX в. не приобрел отдельных новых черт, а некоторые его элементы не видоизменились в результате влияния других этнических групп, обитавших в Гнездове вместе со славянским населением. Рассмотрение этих новых черт погребального обряда и отдельных находок может в какой-то степени осветить те процессы этногенеза, которые уже почти закончились в период появления гнездовских курганов.

Одной из таких отличительных черт, изредка встречаемой в Гнездове, является установка урны в перевернутом положении (вверх дном). Д. А. Авдусин отмечает три случая в 42 раскопанных курганах (№ 16, 20, 25), когда урны ставились перевернутыми вверх дном¹³. Отступление от типичного положения урн описывает и В. И. Сизов: «Другой прием для прикрытия горшка, встреченный всего несколько раз, состоял в том, что горшок, наполненный костями, прикрывался сверху другим горшком с отбитыми краями и обращенным дном кверху, или один горшок малого размера вставлялся отверстием книзу в другой большего размера, пустой... Вообще такого рода прикрытия горшков представляют, быть может, пережитки времен более отдаленных»¹⁴. В этой же работе В. И. Сизова на рис. 4 рядом с сосудом, накрытым другим, изображена урна, перевернутая вверх дном прямо на кострище. Предположение В. И. Сизова, что эта особенность погребального обряда — пережиток более отдаленного времени, в принципе правильно. Если рассмотреть, где встречается этот элемент погребального обряда, то ближайшие аналогии как территориально, так и хронологически мы найдем в древностях Смоленского Поднепровья второй половины I тысячелетия. Перевертывание урн вверх дном и накрытие их другим сосудом прослежено в грунтовом могильнике у дер. Акатово, в 50 км от Смоленска. Этот могильник датируется V — VII вв. и по своей культуре относится к кругу балтских памятников¹⁵. Перевертывание урн — весьма частое явление в длинных курганах VIII—IX вв. Подобная особенность отмечена нами в курганах у деревень Слобода-Глушица, Цурковка, Арефино, Колодня, Василевщина, Акатово, Дроково, Заозерье и Шугайлово¹⁶. Таким образом, если эта особенность ведет свое начало от грунтовых могильников местных племен третьей четверти I тысячелетия, то сохранение ее в длинных курганах вплоть до конца IX в. говорит, скорее всего, о том, что носители указанной традиции не были

¹² Д. А. Авдусин. Гнездовские курганы. Смоленск, 1952, стр. 28.

¹³ Д. А. Авдусин. Отчет о раскопках гнездовских курганов в 1949 году, стр. 316.

¹⁴ В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии, стр. 17.

¹⁵ Е. А. Шмидт. Некоторые археологические памятники Смоленщины второй половины I тысячелетия н.э. МИА, 108, 1963, стр. 58 сл.

¹⁶ П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.—Л., 1963, стр. 180 сл.; Е. А. Шмидт. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н.э. на территории Смоленской области. Материалы по изучению Смоленской области. V, Смоленск, 1963, стр. 94, 100.

вытеснены с данной территории. К концу IX в., т. е. в период возникновения Гнездова, эта черта быстро исчезает, видимо, вместе с ассимиляцией местного населения.

Грунтовыми могильникам и длинным курганам была свойственна и другая особенность погребального обряда, заключающаяся в выкапывании в материке особой круглой ямки, куда помещалась часть остатков сожжения; причем в могильниках такие ямки являются правшлом¹⁷, а в длинных курганах тоже встречаются довольно часто¹⁸. Наличие в погребениях ямок вовсе не исключает использования сосудов в качестве урн. Последние иногда бывают и в перевернутом положении, сверху над остатками сожжения, заполняющими ямку¹⁹.

Выкапывание специальных ямок для остатков сожжения встречается и в Гнездове, хотя и очень редко. Так, В. И. Сизов пишет: «В весьма редких случаях горшок заменялся простой ямкой»²⁰. В наших раскопках 1962 г.²¹ в кургане 106 лесной группы после снятия кострища под его центральной частью в материке было обнаружено углубление — специально выкопанная ямка округлой формы глубиной 0,2, а в поперечнике 0,7 м. Яма была заполнена пережженными костями, углем и золой. Сверху же над кострищем, собранным в кучу, находился разбитый лепной сосуд. Д. А. Авдусин, подводя итоги раскопкам курганов в Гнездове в 1950—1955 гг., также отмечает, что «в нескольких курганах под кострищем встречены ямки глубиной 0,2—0,8 м, причем в двух таких ямках найдены вещи»²². Таким образом, и в этом отклонении от обычного обряда мы видим отзвуки традиций, исчезнувших вместе с теми, кто оставил длинные курганы.

В некоторых погребениях Гнездова кроме пережженных человеческих костей встречены слегка обгоревшие и даже совсем не побывавшие в огне кости лошади. В. И. Сизов отмечает единичные случаи находок целых скелетов коней, отдельных черепов или костей²³. Кости лошади были обнаружены и С. И. Сергеевым в кургане № 74²⁴. Д. А. Авдусин указывает, что им несколько раз встречены кости лошади, положенные на потухшее кострище; иногда в кострище находились одиночные зубы лошади, имевшие, видимо, символическое значение²⁵.

Исходя из того, что в целом для славянских племен не характерно погребение умершего с конем, приходится считать наличие скелетов лошадей или отдельных костей в погребениях Гнездова либо заимствованным, либо пережитком, сохранившимся в процессе ассимиляции другой этнической группы.

Среди племен лесной полосы, находившихся в соседстве со славянами-кривичами, погребения с конями было твердо соблюдаемым обычаем только у древних литовцев. Погребения с конями известны здесь начиная со II—I вв. до н. э. Особенно широкое распространение этот обычай получил в VIII—XII вв. Исчезает же он в начале XIII в. в связи с изменением

¹⁷ Е. А. Шмидт. Поле погребений и курганы у дер. Акатово Смоленской области. СА, 1962, 4, стр. 191 сл.

¹⁸ Ег о ж е. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н.э. на территории Смоленской области, стр. 100.

¹⁹ Ег о ж е. Некоторые археологические памятники Смоленщины второй половины I тысячелетия н.э., стр. 66, погребение 23.

²⁰ В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии, стр. 15.

²¹ Е. А. Шмидт. Отчет о раскопках, проведенных в 1962 году в Смоленском районе. Архив ИА АН СССР, д. Р-1, 2724.

²² Д. А. Авдусин. Отчет о раскопках гнездовских курганов. Материалы по изучению Смоленской области, 2, стр. 177.

²³ В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии, стр. 11, 12.

²⁴ А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева, стр. 11.

²⁵ Д. А. Авдусин. Отчет о раскопках гнездовских курганов в 1949 году, стр. 315, 318.

погребального обряда²⁶. В междуречье Днепра и Западной Двины этот обычай мог попасть, скорее всего, из балтской (древнелитовской) среды. Поскольку прямые контакты смоленских кривичей, обитавших в Гнездове, с древними литовцами маловероятны, то и прямое заимствование этой обрядности от литовцев, видимо, исключается. Обычай погребать умершего с конем попадает в Гнездово как балтский элемент, через население, обитавшее в Днепро-Двинском междуречье до конца IX в. и оставившее длинные курганы. В длинных курганах VIII—IX вв. во многих погребениях встречены пережженные кости с металлическими частями узды, слегка обожженные кости и зубы, кости лошади, не побывавшие в огне²⁷. В славянских курганах Смоленщины XI—XII вв. погребения с конями не обнаружены.

Все вышеуказанные особенности погребального обряда Гнездова подкрепляют предположение, что здесь прослеживаются старые традиции, присущие местному населению середины I тысячелетия и перешедшие через культуру длинных курганов (которой еще были свойственны многие балтские черты) к древнерусским памятникам.

Громадное количество вещей, найденных во время раскопок Гнездова, не оставляют никакого сомнения в том, что основная масса населения уже не имеет ничего общего по своей культуре с тем населением Смоленского Поднепровья VIII—IX вв., которое оставило длинные курганы. Однако в инвентаре некоторых погребений улавливаются отдельные черты, либо существовавшие в предшествующую пору, либо типологически возникшие из них.

Так, в мужских погребениях Гнездова есть железные пряжки с вогнутыми во внутрь боками²⁸, аналогии которым известны прежде всего в длинных курганах²⁹. Но не исключается и иное их происхождение, так как такие пряжки были широко распространены в Европе VI—VIII вв.

Круг распространения железных трубочек с ушком (обоймицы для трута?) не так широк: они встречаются преимущественно в лесной полосе и исчезают на рубеже X и XI вв. В Гнездове они найдены несколько раз³⁰. Однако такие железные трубочки — весьма частая находка в мужских погребениях длинных курганов³¹.

Металлические украшения женского убора балтского типа, характерные для смоленских длинных курганов, в гнездовских погребениях не найдены, хотя отдельные предметы подобного облика все же известны. При раскопках гнездовского городища в 1940 г. Н. В. Андреевым и Н. П. Милоновым были найдены в погребении бронзовые трапециевидные тонкие подвески³². Орнамент одной из них состоял из элементов, совершенно аналогичных орнаменту подвесок из длинных курганов³³. С. И. Сергеевым обнаружена медная из тонкой проволоки спиралька. В этом же кургане находился обрывок медной цепочки из парных колечек³⁴. Некоторые типы пуговиц, встреченные В. И. Сизовым и С. И. Сергеевым³⁵, очень

²⁶ Р. К. Куликаускаене. Погребения с конями у древних литовцев. СА, XVII, 1953, стр. 212 сл.

²⁷ Е. А. Шмидт. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н.э. на территории Смоленской области, стр. 103 и 113.

²⁸ В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии, табл. VII, рис. 13.

²⁹ Н. Н. Чернягин. Длинные курганы и сопки. МИА, 6, 1941, табл. IV, 5; табл. V, 5.

³⁰ А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева, стр. 13, рис. 27, курганы, 43, 50, 80.

³¹ Н. Н. Чернягин. Длинные курганы и сопки, табл. VI, 1; Е. А. Шмидт. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н.э. на территории Смоленской области, стр. 109, рис. 15, 2.

³² Н. П. Милонов. Дневник раскопок Гнездовского городища Смоленской области в 1940 году. Архив ЛОИА АН СССР, фонд 35, оп. 1, 1940, № 32, листы 20 и 58.

³³ Н. Н. Чернягин. Длинные курганы и сопки, табл. VI, 4 и др.

³⁴ А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева, стр. 17.

³⁵ В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии, табл. III, 52, 54, 56, 57; А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева, рис. 23, 25.

близки находкам из длинных курганов³⁶. То же можно сказать и о синих стеклянных бусах, имеющих форму куба со срезанными вершинами (14-гранные), найденных как в Гнездове, так и в длинных курганах³⁷.

Лепная глиняная посуда из гнездовских курганов сравнительно однообразна. Она представлена горшками, которые по особенностям их формы можно разделить на три группы. Первая группа (рис. 1, 3) имеет резкий изгиб плечика и укороченный венчик, что сближает ее с керамикой из длинных курганов³⁸. Таких сосудов сравнительно мало. Вторая группа (более многочисленная) (рис. 1, 5) ближе стоит к роменской керамике. Это высокие горшки с массивными стенками и отогнутым наружу венчиком, при хорошо выраженном плечике. Третья группа сосудов (рис. 1, 4) очень своеобразна. Они почти не имеют округлого плечика, а венчик у них мягко отогнут наружу. Такая посуда в какой-то степени сближается по форме с сосудами из могильников и городищ-убежищ Смоленщины³⁹. Посуда второй и третьей групп, видимо, послужила исходной формой для основных групп гнездовской гончарной керамики, тогда как первая группа, скорее всего, прямых продолжений в гнездовской гончарной традиции не имеет. Орнамент в виде ложногребенчатых вдавливаний, нанесенных концом круглой палочки, обмотанной веревочкой, встречен только на сосудах двух первых групп (рис. 1, 1, 2). По своему характеру он совершенно аналогичен орнаментам сосудов из длинных курганов и керамики роменской культуры. Таким образом, и лепная глиняная посуда несет на себе некоторое влияние керамики тех культур, которые предшествовали гнездовским курганам в Смоленском Поднепровье.

Объяснить находку которых перечисленных выше предметов торговлей с другими племенами, пожалуй, невозможно, так как вещи именно такого облика у других племен X в. вышли из употребления. Наличие же их в Гнездове подтверждает те наблюдения, о которых говорилось выше, при рассмотрении отклонений в элементах погребального обряда. Таким образом, и эти вещи надо считать свидетельством проявления балтских элементов у ассимилированного местного населения, попавшего в Гнездово. Этим, видимо, и объясняется, их немногочисленность в курганных погребениях.

Если каждый отдельно взятый элемент сам по себе еще не является вполне убедительным доводом, то наличие в Гнездове целой группы таких признаков, генетически увязывающихся с одними и теми же исходными культурами данной территории, позволяет считать наши выводы сравнительно обоснованными. Кроме того, в Гнездове есть отдельные погребения, выделяющиеся из общей массы инородным характером костюма и украшений. Таков один курган, раскопанный В. И. Сизовым. Здесь среди

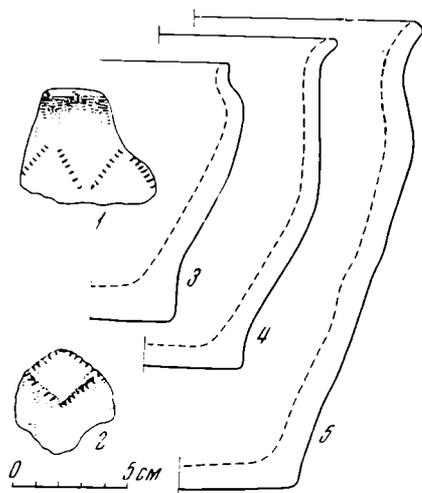

Рис. 1. Некоторые типы сосудов ручной работы из Гнездова

1, 2 — фрагменты сосудов с ложногребенчатым орнаментом, нанесенным концом палочки, обмотанной веревочкой (подъемный материал); 3—5 — профили сосудов (раскопки Д. А. Авдусина; 3 — из кургана 41, 4 — из кургана 22, 5 — из кургана 5)

³⁶ Н. Н. Чернягин. Длинные курганы и сопки, табл. VI, 4—8, табл. VIII, 19.

³⁷ А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева, рис. 12; В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии, стр. 53; Е. А. Шмидт. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н.э. на территории Смоленской области, стр. 104, рис. 7, 18.

³⁸ П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Ук. соч., стр. 184, рис. 4, 5, 6.

³⁹ Е. А. Шмидт. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н.э., стр. 90, рис. 6, 1.

остатков женского трупосожжения были встречены фрагменты украшений, предположительно рассматриваемые как бронзовый венчик или височные серьги, а также обломок бронзовой шпильки с эсвидным концом (а может быть, разогнувшееся от огня височное колечко), обломок треугольной бляшки с орнаментом, бронзовая пуговица и стеклянные бусы темного цвета⁴⁰. В данном случае есть известные основания считать это женское погребение балтским, причем с целым набором характерных украшений. Погребенная, видимо, была выходцем из летто-литовской среды.

Совершенно другой характер имеет набор украшений из кургана с трупосожжением, раскопанного Ф. М. Кусцинским. Здесь украшения представлены тремя бронзовыми шумящими подвесками. В. И. Сизов обратил особое внимание на этот комплекс и отметил его особое сходство с погребальным обрядом финнов (Борковский могильник и др.). Он высказал мнение, что рассмотренный курган «представляет единичный случай женского инороднического, а именно финского, погребения». Это положение он дополнительно подкрепляет и анализом характера вещей, «из которых три женских ажурных украшения несомненно могут быть отнесены не только по стилю, но и по технике к характерным мерянским украшениям»⁴¹. Это мнение в данном случае целиком разделяет и Е. И. Горюнова⁴². Видимо, женщина, погребенная в кургане, попала в Гнездово непосредственно из Западного Поволжья, сохранив при этом все особенности своего костюма.

Рассмотрение даже той части гнездовского материала, которая была опубликована до сих пор, подтверждает факт неоднородности происхождения славянского населения Гнездова. Видимо, к X в. процесс этногенеза кривичей полностью еще не был закончен. Главными компонентами в формировании гнездовской группы кривичей были большая масса продвинувшихся на север славян и остатки местного ассимилируемого балтского населения. Можно предполагать, что ассимиляция местного балтского населения началась еще до возникновения гнездовских курганов X в, так что в них археологически прослеживаются только отзвуки этого интенсивного процесса, протекавшего накануне X в. Поскольку Гнездово отражает жизнь торгово-ремесленного поселения, совершенно закономерно нахождение в нем отдельных представителей и других этнических групп, обитавших в соседних областях и поддерживавших с кривичами экономические, торговые и культурные связи.

E. A. Schmidt

SUR LA COMPOSITION ETHNIQUE DE LA POPULATION
DE GNEZDOVO

Résumé

La question de la composition ethnique de la population de Gnezdovo, un des centres les plus importants du tribu slave oriental de krivitches de la fin des IXe—X^e de notre ère, n'était considérée auparavant que du point de vue des relations de Slaves et de Varègues. Or, l'analyse de tous les documents publiés provenant des kourganes de Gnezdovo montre que le rite funéraire et le mobilier correspondant comprennent aussi d'autres éléments étrangers à la population slave, et remontant aux cérémonies funéraires propres aux cultures baltiques orientales du milieu du Ier mill. de notre ère. A titre d'exemple, on peut citer les rites de renverser les urnes, de fouiller les fosses funéraires particulières, consumer le cheval et le guerrier, etc. Cela permet de supposer que la population slave de Gnezdovo n'était pas homogène par son origine et le processus de la génèse ethnique des krivitsches de Gnezdovo n'était pas entièrement achevé vers le Xe siècle. Dans la formation des slaves-krivitches les composantes essentielles étaient la masse des slaves avancés au nord et les restes de la population locale baltique orientale.

⁴⁰ В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии, стр. 22.

⁴¹ Там же, стр. 79—81, рис. 26.

⁴² Е. И. Горюнова. Об этнической принадлежности населения Березняковского городища. КСИИМК, 65, 1956, стр. 24, 25.